

**ГРАММАТИЧЕСКИЙ КОРПУС ДЕТСКОЙ РЕЧИ
КАК ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ АКТУАЛЬНОГО ГРАММАТИКОНА РЕБЕНКА****Краснопёрова Е. С.**

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9675-1367>

SPIN-код: 8894-3330

А н н о т а ц и я. В статье рассматривается подход к моделированию актуального грамматикона на основе данных развития языковой личности в онтогенезе с использованием корпусных средств. Актуальный грамматикон, набор грамматических форм, на основе которых говорящий строит свою речь, может стать базой разработки новых методик обучения грамматике русского языка. Предмет данного исследования – моделирование актуального грамматикона ребенка средствами грамматического корпуса детской речи. Анализ грамматических закономерностей развития детской речи корпусными методами затруднен из-за отсутствия в открытом доступе готовых (размеченных) корпусов. Для решения данной задачи автором предпринята попытка создания аналога корпуса детской речи для исследования процесса усвоения грамматики в онтогенезе. Статистические данные о грамматических закономерностях детской речи, извлеченные из созданного корпуса, позволяют выявить и уточнить состав генетически более ранних грамматических форм и категорий, определить частотные грамматические формы и формы, находящиеся на периферии детской грамматической способности, усваиваемые поздно, остающиеся редкими в грамматиконе ребенка. Возможности корпуса проиллюстрированы на материале речи ребенка в возрасте от 2 до 3 лет: устанавливается состав детского грамматикона, выделяются наиболее актуальные для него грамматические оппозиции, отмечаются словоформы, наиболее востребованные в этот период речевого развития. Грамматический корпус детской речи используется как инструмент исследования грамматических закономерностей речи, позволяющий составить частотный грамматический профиль ребенка; выделить словоформы, составляющие ядро актуального грамматикона в рассматриваемый возрастной период; продемонстрировать вариативное и динамическое состояние актуального грамматикона.

К л ю ч е в ы е с л о в а: онтогенез; языковая личность; грамматикон; корпусные исследования; корпус детской речи

Д л я ц и т и р о в а н и я: Краснопёрова, Е. С. Грамматический корпус детской речи как инструмент исследования актуального грамматикона ребенка / Е. С. Краснопёрова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 2. – С. 108–118. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-2-108-118.

**THE GRAMMATICAL CORPUS OF CHILDREN'S SPEECH
AS A TOOL FOR STUDYING ACTUAL GRAMMAR SKILLS OF A CHILD****Evgeniya S. Krasnoperova**

Ural State Pedagogical University (Russia, Ekaterinburg)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9675-1367>

Abstract. The article considers an approach to modeling actual grammar skills based on the data about the development of linguistic personality in ontogenesis using corpus tools. The actual grammar skills, i.e. a set of grammatical forms on the basis of which the speaker constructs their speech, can become the basis for developing new methods of teaching Russian grammar. The object of this study is modeling of the child's actual grammar skills by means of the grammatical corpus of children's speech. The study of the grammatical patterns of children's speech using corpus methods is complicated because of the lack of readymade (marked) corpora. To solve this problem, the author makes an attempt to create an analogue corpus of children's speech in order to study the process of acquisition of grammar in ontogenesis. The statistical data about the grammatical patterns of children's speech extracted from the created corpus make it possible to identify and clarify the composition of genetically earlier grammatical forms and categories and to identify the frequently used grammatical forms and those located on the periphery of the child's grammatical competence. These forms are acquired at an older age and remain rare in the child's active grammar skills. The potential of this corpus is illustrated using the material of the speech of children aged 2–3 years: the study reveals the set of children's grammar skills, singles out the most relevant grammatical oppositions, and highlights the word forms most frequently used in this period of speech development. The grammatical corpus of children's speech is used as an instrument for studying grammatical patterns and for creating a frequency profile of the child's grammar skills; for identifying the most common word forms in the period under study; and for demonstrating the dynamic nature of grammar skills development.

Key words: ontogenesis; linguistic personality; grammar skills; corpus studies; the corpus of children's speech

For citation: Krasnoperova, E. S. (2024). The Grammatical Corpus of Children's Speech as a Tool for Studying Actual Grammar Skills of a Child. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 2, pp. 108–118. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-2-108-118.

Введение: к постановке проблемы

Современные лингвистические науки, в первую очередь психолингвистика, главной своей целью ставят исследование языковой способности человека, выявление когнитивных механизмов

овладения языком и пользования им в процессах речепорождения и речевосприятия. Важность изучения этих процессов определяется необходимостью создания новых подходов к обучению языку, подходов, учитывающих языковую личность, но-

сителя языка, присваивающего язык и реализующего его в речи, и одновременно воспринимающего чужие нормы и установления, и создающего прецеденты, влияющие на изменение норм языка.

Характеристика грамматического строя языка – неотъемлемая составляющая описания системы любого языка. В рамках системно-структурного подхода грамматика предстает в виде наиболее полного перечня грамматических форм, сгруппированных в парадигмы. Задача исследователя в этом случае состоит в верном определении типа парадигмы, к которой относится та или иная лексема, а также в фиксации меры отклонения конкретной формы от имеющегося образца [Виноградов 2019, 2020, 2022; Кодухов 2012; Кусова, Тенкачева 2015; Николина, Рацибурская 2023; Рацибурская, Сандакова 2023; Сандакова 2019, 2020; Щербакова 2022; Щукин 2003].

Смена научной парадигмы привела к изменению подхода к грамматике. Наиболее полное описание совокупности грамматических форм и парадигм сменяется взглядом на грамматику как часть языковой способности человека, как грамматическую способность. Следующий этап развития представлений о способах усвоения, хранения, использования грамматических знаний носителем языка связан с трудами Школы русской языковой личности, созданной под руководством Ю. Н. Караулова. В опоре на теорию ассоциативного поля, согласно которой «любое слово в нашем сознании, в памяти, точно так же как в речевой цепи, не существует ... в отдельности: оно десятками, сотнями “нитей” тянется к другим словам» [Караулов 2002: 751], была создана ассоциативно-сетевая модель описания языка. Способом «держания» языка в памяти его носителя становится ассоциативно-вербальная сеть (далее – АВС). АВС содержит информацию, «которая относится ко всем трем уровням языковой личности: грамматико-семантическому (т. е. “языковому” в узком смысле слова), когнитивному (или уровню знаний о мире) и прагматическому» [Караулов 2002: 753]. Грамматика, заключенная в ассоциативно-вербальной сети носителя языка, грамматика речевой деятельности, намерений, тенденций и готовностей говорящего есть грамматика, по выражению Ю. Н. Караулова, «в живом, готовом к употреблению виде» [Караулов 1993: 7]. Именно «готовность к употреблению» делает ассоциативную грамматику столь важной для реализации функций языка в речи.

Грамматика в АВС всегда экземплярна, т. е. не охватывает всего возможного набора форм, а представлена аналогами и образцами; лексикализована (грамматическая форма в АВС существует в виде конкретной словоформы); диссипированна (парадигма конкретной лексемы собирается из «рассеянных» по АВС отдельных грамматических форм). Основной единицей совместного хранения и воспроизведения как грамматической, так и лексической информации в этой концепции является конкретная словоформа. Лексикализация грамматики, синкретизм грамматического и лексического подтверждаются данными массового ассоциативного эксперимента. На основе больших дан-

ных, полученных в результате этого эксперимента, были смоделированы отдельные участки АВС, выведены «законы диссипации, законы взаимодействия зон концентрации грамматических значений, законы аналогии, семантической связности или грамматической обратимости» [Караулов 1993: 315]. Выводы делались на материале АВС усредненной (коллективной) языковой личности, и, по мысли автора, эти же закономерности в индивидуальной АВС конкретной языковой личности могут быть проявлены более отчетливо. Возникает вопрос о моделировании этой индивидуальной АВС, а в нашем случае – о моделировании индивидуального грамматикона конкретной языковой личности.

Мы предлагаем подход к моделированию актуального грамматикона на основе данных развития языковой личности в онтогенезе, что позволяет учитывать соотношение когнитивных и лингвистических механизмов становления и развития языковой личности: «Анализ когнитивных моделей, лежащих в основе постижения детьми грамматики родного языка, является необходимым условием описания психологической реальности этого процесса, в котором следует различать аспекты усвоения материальных показателей грамматических значений и собственно грамматической семантики. В первом случае в детской речи действуют законы аналогии и грамматической сверженерализации, во втором – проявляется опора ребенка на актуальные для его сознания когниции» [Гридина 2017: 111].

Объект данного исследования – актуальная грамматика детской речи.

Предмет – моделирование актуального грамматикона ребенка средствами грамматического корпуса детской речи.

Исследование грамматических закономерностей развития детской речи корпусными методами затруднено из-за отсутствия в открытом доступе готовых (размеченных) корпусов. Нами предпринята попытка создания пошагового алгоритма и аналога грамматического корпуса детской речи для исследования процесса усвоения грамматики в онтогенезе (см. об этом подробнее [Красноперова 2021]). Материалом для создания корпуса послужили дневники детской речи, в частности лонгитюдные записи детских высказываний, созданные В. К. Харченко [Харченко 1994, 2012].

Решение поставленной проблемы предполагает создание грамматического корпуса детской речи как инструмента моделирования актуального грамматикона языковой личности ребенка в возрасте от двух до пяти лет. В свою очередь, актуальный грамматикон, набор грамматических форм, на основе которых говорящий строит свою речь, может послужить базой для воплощения в практике обучения русскому языку идей актуальной грамматики (см. об этом подробнее [Коновалова, Красноперова 2020]).

Предварительные замечания

Необходимо сделать несколько предварительных замечаний, касающихся данного исследования.

1. Ассоциативная грамматика – модель языка, которая описывает его не только как систему, но и как лингвистическую компетенцию говорящего на нем индивида. В АВС носителей языка ассоциативная грамматика (грамматикон) представлена в виде конкретных словоформ, т. е. лексикализованных диссипированных грамматических форм, в виде образцов и экземпляров.

2. Грамматическая форма, представленная конкретной словоформой, рассматривается как основная единица динамического хранения грамматического знания. Актуальный грамматикон языковой личности может быть сформирован на основе комплекса таких единиц, т. е. грамматических форм конкретных слов, являющихся структурной основой речевой деятельности говорящего. Индивидуальный и динамический характер освоения грамматической способности подтверждается методологически значимым для нашего исследования постулатом, сформулированным Т. А. Гридиной по материалам исследований детской речи: «Грамматические образцы, явленные в словоформе, закрепляются вместе с актуальным значением данной словоформы – в опоре на некий предметный эталон и формальный образец (освоенный аналог)» [Гридина 2017: 112].

3. Генетически первичные грамматические формы, усваиваемые ребенком, остаются наиболее частотными на дальнейших этапах речевого развития, несут на себе основную речевую нагрузку, составляя ядро языковой системы, конструируемой ребенком, основу актуального грамматикона русской языковой личности. Устойчивый инвариант актуального грамматикона можно смоделировать на основе данных онтогенеза речевой деятельности.

4. Разработанный корпус детской речи с грамматической разметкой является эффективным инструментом моделирования актуального грамматикона, так как позволяет:

- представить массив высказываний монологической и диалогической речи детей на этапе раннего онтогенеза (с двух до пяти лет);
- выявить частотное распределение грамматических форм в высказываниях ребенка определенного возраста в типовых коммуникативных ситуациях;
- рассмотреть грамматический профиль (распределение форм словоизменения) языковой личности в определенном возрасте.

Цель составления корпуса

Материалом для грамматического корпуса послужили высказывания двух детей за определенный возрастной период (в дальнейшем все примеры детских высказываний приводятся по [Харченко 2012]). Старший брат (Лев) и младший

брат (Женя) с разницей в возрасте в два года воспитываются в одной семье. В результате нашей работы получены шесть подкорпусов (различные по субъекту и возрасту) в составе единого корпуса с грамматической разметкой, снятой грамматической омонимией, проставленной частотой словоупотреблений, возможностью моделирования грамматического профиля ребенка. Грамматический профиль (распределение форм словоизменения) описывает «поведение» отдельных лексем в корпусе русского языка [Ляшевская 2014: 7; Норман, Мухин 2018: 189]. Мы вслед за А. Н. Корневым [Корнев, Балчюниене, Воейкова и др. 2016] используем данный подход для характеристики возрастных срезов корпуса детской речи, понимая под ним частотное распределение грамматических форм в высказываниях ребенка определенного возраста в типовых коммуникативных ситуациях.

Ход работы

Продемонстрируем описание грамматического частотного профиля ребенка на примере данных речи старшего брата (Лев) в период от двух до трех лет.

Основные коммуникативные потребности детей в этот период реализуются в общении с родителями и ближайшими родственниками, включают в себя привлечение внимания и простые ответные реакции. Осваиваются пространство комнаты и дома, хронотоп детского дня: приемы пищи, игры, прогулки, сон. Ребенок растет, развивается, у него возникает потребность в отражении в речи все более усложняющихся ситуаций. Начинается поиск необходимых для этого языковых средств. Поэтому в последней трети второго года жизни или несколько позднее начинается формирование субстантивной и глагольной парадигматики. Это период, когда происходит усвоение грамматической структуры предложения: формируются и усваиваются первые формы слов, для выражения синтаксических отношений начинают использоваться флексии и первые служебные слова.

Определяя ядро грамматикона (его грамматическую и лексическую составляющую), покрывающего максимум коммуникативных потребностей, будем руководствоваться критерием частотности и востребованности грамматической формы в разных речевых ситуациях.

Реализация проекта «Корпус детской речи»

Анализ высказываний старшего брата (Лев) в возрасте от двух до трех лет позволяет выделить части речи и грамматические формы этого периода. Грамматический подкорпус представлен в таблице 1.

Таблица 1

Грамматический состав речи старшего ребенка (Лев), 2–3 года

Часть речи*	Количество словоупотреблений	Процент
существительное	1905	23
глагол	1941	23
прилагательное	311	4

Продолжение таблицы 1

Часть речи*	Количество словоупотреблений	Процент
наречие	452	5
местоименное наречие	332	4
числительное-прилагательное	8	0,1
местоимение-прилагательное	219	3
союз	263	3
междометие	150	2
числительное	17	0,2
частица	833	10
предлог	593	7
местоимение-существительное	1459	15,7

* Выделение частей речи используется в соответствии с традицией, принятой в Национальном корпусе русского языка.

Как можем видеть, в речи ребенка к трем годам представлены (но не очевидно, что усвоены) все части речи. Самые частотные части речи – глагол и существительное (по 23%). Существительные конкретные, называющие самого ребенка, родственников, предметы одежды и обихода, игрушки и транспорт, явления природы; глаголы – разные формы глагола *быть*, глаголы волеизъявления, глаголы движения и глаголы, называющие простые бытовые действия: *есть, пить, играть, гулять*. Местоимение (16%), преимущественно личные местоимения в разных падежно-числовых формах. Частицы (10%) – утвердительные и отрицательные, простые предлоги (7%) в основном пространственной организации и наречия (5%). Функции этих грамматических средств лексикализованы и синтаксически диффузны (см. примеры далее). В совокупности эти части речи составляют около 85% всего частеречного состава этого подкорпуса. Оставшиеся 15% приходятся на прилагательные, местоименные прилагательные и наречия, союзы, междометия и числительные.

По данным исследователей детской речи [Цейтлин 2009: 77], первыми грамматическими формами существительных являются формы им. п. ед. ч. и мн. ч. с окончаниями *-ы, -и* (*Машина поехала и приехала!*; *Вот так надо строить дом, чтобы ма-*

шина от дождя не пропала. Закружи калитку, чтобы машины туда не поезжали. Нас машины не задавят!); формы винительного падежа с окончанием *-у* (*Сейчас мы ему построим повыше машину. Мальчик играет в машину*), иногда появляются формы родительного падежа с окончанием *-ы* (*Нет ни машины! Пошли из машины! Пусть она будет без машины!*). Важным представляется тот факт, что эти же генетически ранние формы, по данным смоделированного нами корпуса, оказываются самыми частотными в этих грамматических формах.

Оппозиция им. п. ед. ч. – в. п. ед. ч. используется в качестве основной для выражения отношений «субъект – действие – объект»: *Мама шапкой поймала бабочку. Машина привезла продукты. Как мама чистит зубы. Баба помыла плитку, а она опять грязная! Медведь обнимает Левку*. Осознание этой оппозиции представлено, в частности, в фактах метаязыковой рефлексии ребенка над формами винительного падежа одушевленных и неодушевленных существительных с нулевым окончанием: *Я видел самолёта! Я видел самолёт... самолёта... Лешайник тебе баба может сорвать*.

Подтверждается и формирование оппозиции числа в первую очередь в рамках именительного падежа. Падежно-числовая парадигма существительного представлена в таблице 2.

Таблица 2

Падежные формы существительного старшего ребенка в возрасте 2–3 лет
(в порядке убывания частотности)

Грамматическая форма	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений	Грамматическая форма	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений
Именительный падеж, единственное число (S, nom, sg)	810	42,5	Именительный падеж, множественное число (S, nom, pl)	99	5,4
Винительный падеж, единственное число (S, acc, sg)	454	24,0	Винительный падеж, множественное число (S, acc, pl)	58	3,0
Предложный падеж, единственное число (S, loc, sg)	157	8,2	Предложный падеж, множественное число (S, loc, pl)	9	1,0
Творительный падеж, единственное число (S, ins, sg)	101	5,3	Творительный падеж, множественное число (S, ins, pl)	21	1,2
Родительный падеж, единственное число (S, gen, sg)	90	5,0	Родительный падеж, множественное число (S, gen, pl)	58	3,0
Дательный падеж, единственное число (S, dat, sg)	19	1,0	Дательный падеж, множественное число (S, dat, pl)	7	0,4

Именительный, винительный, предложный, творительный, родительный падеж ед. ч. и именительный падеж мн. ч. совокупно покрывают 90% словоформ существительных. Формы мн. ч. появляются реже форм ед. ч. того же падежа, вероятно, ввиду меньшей востребованности форм мн. ч. в языке, возможности «легкого» для ребенка конструирования форм мн. ч. от форм единственного путем прибавления к основе частотных окончаний -и/ы или -ов в именительном и винительном падеже мн. ч.

Наименее востребованным оказывается дательный падеж, возможно, из-за своей прототипической функции называния адресата действия, которая не является актуальной в том наборе коммуникативных ситуаций, которые свойственны данному возрасту. Данные грамматические формы

активизируются преимущественно в игровой ситуации, проговариваются собственные действия или действия субъектов игры. Называются субъект-действие-адресат или получатель действия, носитель свойства: *Я машине строю гараж. Я буду жуку показать машины! Я льву Африку построил! Вот она к Левчику поползла! – К Левчику поползла! – К своим! Родителям! И пошёл к древнему человеку!* Формы дательного падежа используются для пространственной организации: *А лошади не развозятся (детей) по домам... Ты залезай по машине. Я ползаю по полу? – Ба-бам! Я не попал по голубю, а попал по бабе!*

В этот период усваивается ядро системы глагольного склонения (табл. 3), т. е. противопоставленность повелительного и изъявительного склонений, существующих на фоне инфинитива.

Таблица 3

Частота употребления глагольных форм старшим ребенком в возрасте 2–3 лет
(в порядке убывания частотности)

Наклонение	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений
Изъявительное наклонение	1363	70,2
Инфинитив	308	15,9
Повелительное наклонение	187	9,6

Показателем освоения категории склонения можно считать правильное (соответствующее грамматическому значению формы и контексту ситуации) употребление ребенком одной и той же лексемы в разных склонениях (в изъявительном, повелительном) и инфинитиве: *Сейчас я бегу в магазин за морковкой – хват! Надо быстрее бежать, тогда её поймает! – Там бежит газ и сюда западает; Вон машина везёт какой огромный теремок. Лошадь задом везёт! Машина! Меня когда-то везли на такой! Это электровоз будет везти. Везут!*

При этом глаголы в повелительном склонении обычно не появляются в изъявительном, за редким исключением, и наоборот, но оппозиция инфинитив – повелительное, инфинитив – изъявительное формируется. То есть категории сначала формируются как семантические оппозиции, из которых в дальнейшем собираются грамматические парадигмы. Грамматическое значение опережает грамматическую форму в рамках единой парадигмы, а усвоение функции грамматической формы изъявительного (для ребенка действие не просто реальное, но происходящее здесь и сейчас или отнесенное к ближайшему прошлому/будущему) или повелительного склонения (желаемое, требуемое ребенком действие) на основе оппозиции инфинитиву делает возможным усвоение основного значения склонения без формирования полной парадигмы конкретного глагола, что соотносится с устройством ассоциативной парадигмы, диссипированной и лексикализованной, собирающейся из экзemplарных, аналогичных форм: *Уж не умеет говорить. Что там говорят? О людях так не говорят! Себе она говорила.*

Я был маленький и говорил: мама прогоняет абу. Ты так удивлена говоришь.; Она (львица) куда-то едет. Пусть они вот так едут! Я еду на поезде, на зелёном. Она (мышка) будет ехать на синем вагоне, а бегемот на жёлтом будет ехать вагоне.

Формы прошедшего времени (45%) противопоставлены формам настоящего и будущего времени (совокупно 55%) изъявительного склонения. Оппозиция формируется на формах одной лексемы довольно рано. Возможно, в силу перцептивной «выпуклости» форм прошедшего времени, исторически происходящих из элевого причастия, т. е. образованных по одной модели и легко опознаваемых.

Рассмотрим формирование этой оппозиции на примере форм одной лексемы (поймать). Ребенок говорит о произошедшем только что событии или событии, случившемся некоторое время назад, но недавно: *Вместо бабочки траву поймал. Я вчера поймал бабочку. Обозначает результат действия в текущей ситуации: Я поймал вторую бабочку. А! Не поймал! Я поймал шишку!* Сообщает о результате действия в ближайшем будущем: *Тогда она поймается! Надо быстрее бежать, тогда её поймает! Мы сейчас его поймает: а!, а!*

Заметим, что, хотя первыми усваиваются такие грамматические формы глаголов, как повелительное наклонение 2-го лица ед. ч. (*Не съдай! Отдай меня маме! Иди там!*) и формы 3-го лица ед. ч. настоящего времени (*Мама не может достать сама. И папа не может достать сам. Собака лает. Сейчас укусит.... Там бежит газ и сюда западает*), к концу рассматриваемого периода соотношение личных форм глагола выглядит иначе (табл. 4).

Таблица 4

Частота употребления личных форм глагола старшим ребенком в возрасте 2–3 лет

Грамматическая форма	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений	Грамматическая форма	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений
1-е лицо (V, indic, praes, 1p)	192	24,0	1-е лицо, мн. ч. (V, indic, praes, 1p)	59	7,1
2-е лицо (V, indic, praes, 2p)	53	7,2	2-е лицо, мн. ч. (V, indic, praes, 2p)	5	0,6
3-е лицо (V, indic, praes, 3p)	364	44,1	3-е лицо, мн. ч. (V, indic, praes, 3p)	133	17,0

Самыми частотными оказываются формы 3-го и 1-го лица ед. ч., затем 3-го и 1-го лица мн. ч. и 2-го лица ед. ч., единичными экземплярами представлены формы 2-го лица мн. ч.: *Я здесь не живу! Я поднимаюсь... Здесь мы обойдём...* (Играет с мелкими зверюшками, катает их на машинах). *Подвиньтесь, звери, немножко... Подвинется – и не подвинется. Подвинься, лошадь. Верблюда мы ещё в машину. Все едут на машине... Пусть слон сядет в машину. Не помещается. Подожди, не едь, стой! Подвинься! Вы подвинется или не подвинется?*

Отметим, что формы 2 л. мн. ч. – это в боль-

шинстве своем формы повелительного наклонения: *подвиньтесь, садитесь, смотрите*, которые используются преимущественно в игровой коммуникации, в разыгрывании диалогов с множественными субъектами действия. В этой же игровой коммуникации возникает форма 2 л. мн. ч. изъявительного наклонения, называемая ближайшими действиями игрушек: *Подвиньтесь, звери, немножко... Подвинется – и не подвинется. Вы подвинется или не подвинется?*

Частота употребления родовых и числовых форм прилагательных представлена в таблице 5.

Таблица 5

Частота употребления форм прилагательных

Лексико-грамматический класс	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений
Мужской род	148	47,58842444
Женский род	87	27,97427653
Средний род	16	5,144694534
Множественное число	60	19,2926045

Чаще всего в речи появляются актуальные для ребенка размерные (большой – маленький) и цветные обозначения: *Речка должна синяя!* – А дерево? – *Белое!* – А небо? – *Белое!* – А домик? – *Красный!*

Основная оппозиция мужской – женский род, прилагательных среднего рода мало, и появление этих форм инициировано взрослыми собеседниками. Прилагательных не так много (4%) в общем частеречном наборе, и они востребованы как постоянные идентифицирующие признаки определенных предметов: любимых вещей, знакомых людей и т. п., что можно увидеть на примере частотного прилагательного *большой*: *Машина. Меня на таком возили, на большой! Он такой... он был большой самолет. Вот я уже большой. Это большая рыба. Это для больших деток!*

Как видим, отмеченные на основе полученных нами данных закономерности соотносятся с данными исследователей детской речи [Гвоздев 2007; Цейтлин 2009; Гридина 2016]. Ребенок овладевает основами формообразования изменяемых частей речи, первичные оппозиции усваиваются, постепенно начинают формироваться парадигмы отдельных лексем и, что важнее, ассоциативные парадигмы как образцы будущего формоизменения.

Служебные слова также представлены в речи ребенка этого периода. В основном это сочинительный союз *и* (63%) и противительный *а* (28%), соединяющие однородные члены (чаще всего сказуемые) в составе простого предложения и простые в составе сочинительного сложного, что соотно-

сится с первичным синтаксисом этого периода. *Я тёплый! Я нагрелся и высох. – Сейчас я надену простыню и буду пугать бандитов. Сейчас она прилетит, а я её сачком... Сейчас она прилетит, а я её сачком буду бить. Да он был цвета серого, а на хвосте немножко беленького.*

Предлоги *на, в, у* совокупно составляют 68% всех употреблений предлогов, *с, из, за, по, к* – 28%. Предлог *на* усваивается в своем пространственном значении: *Я на боку. Я буду заползть на большой камень. Она села на землю. Предлог в также частотен в своем пространственном значении: Я приплыл в Африку! Сядем в беседке и будем играть. Я прямо наступил в грязь. Предлог у усваивается в своей притяжательной функции: А у апельсина есть такая пленка, её едят. Это у волка рыцарский костюм. А у комара нос длинный, как у Буратино!*

Таким образом, в грамматиконе ребенка в этот возрастной период представлены как самостоятельные части речи (существительные, прилагательные, глаголы, за исключением деепричастий и причастий, во всех грамматических формах в основных функциях), так и служебные части речи в основных функциях.

Смоделируем актуальный грамматикон ребенка этого возраста на основании частоты употребления той или иной словоформы. Основываясь на количественных параметрах конкретного подкорпуса, рассмотрим тот набор словоформ, с которого начинается плавное наращивание объема речевого продукта. Предположительно, это минимальный набор словоформ, обеспечивающий

базу, на которую опирается ребенок в своей речевой деятельности, и этот набор и остается самым частотным и ядерным, без него невозможны дальнейший рост словарного запаса и дальнейшее расширение грамматикона.

Смоделируем актуальный грамматикон старшего брата (Лев), выделенный на основании частоты употребления словоформы. Рассматривая грамматикон как полевою модель, имеющую ядро, состоящее из частотных форм, и периферию, к которой относятся формы со средней и низкой частотой,

можно выделить в речевом продукте ребенка этого возраста самые частотные словоформы (леммы, так как туда попадают и неизменяемые части речи), составляющие 50% всего словоупотребления. Этот формализованный подход позволяет выделить 130 словоформ, которые обеспечивают базу дальнейшего роста грамматических форм. Набор содержит все части речи, кроме числительного. В таблице 6 представлен частеречный состав такого грамматикона.

Таблица 6

Частеречный состав актуального грамматикона старшего брата

Часть речи	Количество словоупотреблений	Процент
SPRO	1373	32,1
PART	731	17,1
PR	564	13,2
V	339	7,9
ADVPRO	312	7,3
S	305	7,1
ADV	261	6,1
CONJ	241	5,6
APRO	95	2,2
INTJ	36	0,8
A	23	0,5
ANUM	0	0,0
NUM	0	0,0

Самая частотная часть речи в актуальном грамматиконе – местоимения, преимущественно личные (все, кроме *вы*) в именительном и винительном падеже: **Я олень! Я танцую, как вода поёт. На меня упала булка! Здесь мама тебя катала. Здесь мы играли в белку... Здесь мы обойдём... Мы на тебя посадим! Это его дом! Он там живёт и пироги себе печёт. Они мне немножко малы. Она зашла на горку!**

Частицы *не* и *нет* встречаются чаще, чем *да*. Представлены союзы *и, а*; простые предлоги: *на, в, у* (самые частотные), *с, из, за, по, к, от, без* (примеры приводились выше).

В актуальном грамматиконе присутствуют наречия времени и места (*сейчас, уже, домой, еще*): **Нам ещё надо напisyвать! Этот у меня ещё не появился! А это я уже боюсь! Уже не вышло, а это уже вышло. Сейчас она как поедет! Этого домой забирают. Муха домой полетела.** Они используются для указания на конкретное, приближенное к моменту действия время (*сейчас, уже*) или на самое актуальное и постоянное во всех передвижениях ребенка место (дом).

Прилагательные представлены двумя формами им. п. ед. ч. м. р.: *большой, маленький*. Прилагательное *большой* появляется как характеристика внешних по отношению к ребенку предметов: **Большой, баба. Как дом! Он такой... он был большой самолёт. Самосвал большой. Большой. Я буду заползать на большой камень.** Прилагательное *маленький* используется и как характеристика предметов, и как самохарактеристика: **Я был маленький и говорил: мама прогоняет абу. Я был такой маленький и ничего**

не умел! Я там себе сплю в своей берлоге, как маленький медвежонок. Он маленький, он не похудеет.

Глагол (8%) в актуальном грамматиконе представлен словоформами лексики *быть* (*буду, будет, был, будем, были, будешь, есть*): **Я буду вот здесь ехать! Сначала медведь был в зоопарке, а сейчас я был в зоопарке. Там есть ступеньки – лесенка там такая есть, на троллейбус. Ты задом будешь идти!** С помощью этого глагола ребенку удобно обозначать свою позицию (время, место, эмоциональное состояние) и участие в коммуникации. Присутствуют глаголы движения (*пошли, поехала, едет, ехать, поедет, поехали, приехала, иди*): **Пошли из машины! Едет автобус зелёный. Она не умеет ехать! Все поехали. Машина не приехала. Иди, муха, иди!** Эти словоформы чаще всего используются для озвучивания действий в игровых ситуациях.

Другие глагольные словоформы, попадающие в актуальный грамматикон:

– *поймал*, обозначает бытовые действия: **Я поймал вторую бабочку. Вместо бабочки траву поймал. Я поймал лампу!**

– *умеет*, относится в том числе и к неодушевленным предметам: **А это машина? Шьёт? И ничего больше не умеет! Лодочка поехала! Она умеет плыть и ехать.;**

– *спать*, выражение из словаря взрослых (*пора спать, иди спать*) переносится на животных и игрушки: **И ты, бегемотик, ляжешь спать! Птицы летят в лес, а то им негде спать. Сейчас я буду их укладывать спать.;**

– *давай*, побуждает к действию здесь и сей-

час: **Давай** вылезать! **Давай** его чинить! **Давай** опять туда посадим бабочку!;

– называется, вопрос-коммуникация: А как называется то железо, куда шарик катится. Как эта собака называется? Как у курицы называется ребёнок?;

– хочет, хочу, оценивают действия как желательные или нежелательные, что является важной характеристикой для ребенка: Она чего-то не **хочет** сажаться. Он **хочет** водички попить. Не **хочу**, чтоб ты убирала всё это! Я тут себе **хочу** поспать немножко!;

– смотри, служит для привлечения внимания, вовлечения в коммуникацию: Рыбка, **смотри**, рыбка. **Смотри**, какая птица. **Смотри**, самолёт!

Словоформы существительного (7%) в большинстве своем – это формы и. п. ед. ч., называющие:

– членов семьи (мама, баба, папа): А **мама** наругает! Сколько нам арбузов **папа** купил! А **баба** без тебя не уйдет!;

– самого ребенка: Я **Лев**! Нет ноча и **Лев** не сонный! Я сел в Африку! **Лев** сел в Африку. Интересно, что чаще фиксируются формы, которые предполагают разговор о себе в третьем лице, ср. Вот она к **Левчику** поползла! К **Лёвчику** поползла! Медведь обнимает **Левку**.;

– любимые игрушки и персонажи мультфильмов и сказок, иногда выдумываемых самим ребенком (заяц, Карлсон, лошадь, медведь, утёнок, лошадка, бегемот): Жил-был **Карлсон**. И **заяц** пьёт. И **бегемот** пьёт. Я сел верхом. Как на **лошадь**!;

– вещи, которые можно увидеть или использовать в повседневной жизни (муха как субъект отдельного действия, бабочку как объект действия, привет, вода, карете, поезд, машина, машину, машины, рыбу): Это **мухи**, наверно, **муха** летает. Давай опять туда посадим **бабочку**! Привет, **поезд**! Я залез от **машины** на лавочку! Мальчик играет в **машину**. Я **рыбу** достану.

Таким образом, функциональная система актуального грамматикона ребенка этого возрастного периода состоит из местоимений, простых союзов и предлогов, в первую очередь с пространственным значением, существительных, называющих членов семьи и конкретные предметы, глаголов, в том числе глаголов движения.

Заключение

В статье предложен аналог процесса моделирования актуального грамматикона на основе данных онтогенеза. Грамматический корпус детской речи может использоваться как инструмент исследова-

ования грамматических закономерностей речи, позволяющий:

1. Подтвердить данные, полученные исследователями детской речи на основе лонгитюдных наблюдений. Первые формы, которые усваиваются ребенком, и первые оппозиции, которые образуют эти формы, остаются частотными на дальнейших этапах овладения грамматикой, в частности оппозиции им. п. ед. ч. – вин. п. ед. ч., оппозиция 1-го и 3-го лица глагола, мужского – женского рода, как основа родовой оппозиции. Низкочастотными оказываются формы дат. п. существительных, 2 лица мн. ч. глаголов, редко используемые формы среднего рода прилагательных.

2. Описать частотное распределение грамматических форм в высказываниях ребенка определенного возраста в типовых коммуникативных ситуациях (грамматический профиль ребенка).

3. На основании критериев частотности и востребованности грамматических форм в разных речевых ситуациях выделить словоформы, которые составляют ядро актуального грамматикона, обеспечивают создание 50–60% речевого продукта. В рассматриваемый нами возрастной период это формы им. п. ед. ч., вин. п. ед. ч. существительного, 1-го и 3-го лица глагола.

4. Продемонстрировать вариативное и динамическое состояние актуального грамматикона в разные возрастные периоды. Динамичность актуального грамматикона предполагает, что он не только изменяется, расширяется, усложняется и наполняется с возрастом, по мере развития языковой личности, но и способен включать в себя личностные компоненты (вещи, события, коммуникантов, актуальные для ребенка в определенный период) и заменять их на другие в рамках устойчивой грамматической структуры. Вариативный характер связан с возможностью актуального грамматикона отражать разные стратегии освоения языка при поддержании общей способности и готовности к речевой деятельности.

Продолжение исследования предполагает анализ грамматического состава речи каждого из двух братьев на трех возрастных этапах; выделение тех словоформ, которые составляют ядро высказываний ребенка в указанные периоды; сопоставление смоделированного актуального грамматикона с данными ассоциативной грамматики, национального корпуса русского языка и психолингвистического эксперимента.

Литература

Виноградов, С. Н. К вопросу о категориальном значении состояния в русской грамматике / С. Н. Виноградов. – Текст : электронный // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2020. – № 1. – С. 176–180. – URL: <https://www.elibrary.ru/emyoov> (дата обращения: 20.04.2024).

Виноградов, С. Н. К вопросу о системе категориальных значений частей речи в современном русском языке / С. Н. Виноградов. – Текст : электронный // Национальные коды в языке и литературе. Современные языки в новых условиях коммуникации : сборник статей по материалам Международной научной конференции «Национальные коды в языке и литературе», Нижний Новгород, 12–13 марта 2019 года. – Нижний Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2019. – С. 31–37. – URL: <https://www.elibrary.ru/UNQPDM> (дата обращения: 20.04.2024).

Виноградов, С. Н. Парадигматика языка как модель наблюдения и прогноза / С. Н. Виноградов. – Текст : электронный // Языки и культуры в цифровую эпоху : сборник статей по материалам Международной научной конференции, Нижний Новгород, 28–30 октября 2022 года. – Нижний Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2022. – С. 74–83. – URL: <https://www.elibrary.ru/IIPPGX> (дата обращения: 20.04.2024).

Гвоздев, А. Н. Вопросы изучения детской речи / А. Н. Гвоздев. – СПб. : Детство-Пресс, 2007. – 472 с.

Гридина, Т. А. «Своя игра»: ребенок в мире языка : монография / Т. А. Гридина. – Екатеринбург, 2016. – 177 с.

Гридина, Т. А. Актуальная грамматика детской речи: когнитивные модели семантизации и механизмы порождения словоформ / Т. А. Гридина // Языковая личность: аспекты изучения : сборник научных статей памяти члена-корреспондента РАН Юрия Николаевича Караулова. – М. : МАКС Пресс, 2017. – С. 110–122.

Гридина, Т. А. Современный русский язык. Словообразование: теория, алгоритмы анализа, тренинг / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова. – 3-е издание. – М. : Наука : Флинта, 2009. – 160 с.

Караулов, Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка / Ю. Н. Караулов. – М. : Русский язык, 1993. – 330 с.

Караулов, Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности / Ю. Н. Караулов // Русский ассоциативный словарь. Т. I. От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева [и др.]. – М. : Астрель ; АСТ, 2002. – С. 750–782.

Кодухов, В. И. Введение в языкознание : учеб. для студ. вузов / В. И. Кодухов. – М. : Издательский дом «Альянс», 2012. – 288 с.

Коновалова, Н. И. Актуальный грамматикон языковой личности: проблема моделирования / Н. И. Коновалова, Е. С. Красноперова. – Текст : электронный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2020. – № 3. – С. 6–14. – URL: <https://www.elibrary.ru/LTUZIQ> (дата обращения: 20.04.2024).

Корнев, А. Н. Анализ грамматического частотного профиля лексем корпуса детской речи как метод изучения развития речи в норме и при первичном недоразвитии речи у дошкольников / А. Н. Корнев, И. Балчюниене, М. Д. Воейкова [и др.]. – Текст : электронный // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. – 2016. – № 19. – С. 33–38. – URL: <https://www.elibrary.ru/VTZNXX> (дата обращения: 20.04.2024).

Красноперова, Е. С. Корпусные исследования детской речи: перспективы развития / Е. С. Красноперова. – Текст : электронный // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2021. – № 2. – С. 156–65. – DOI: 10.26170/23067462_2021_02_13. – URL: <https://www.elibrary.ru/DHRDPB> (дата обращения: 20.04.2024).

Кусова, М. Л. Формирование грамматического строя речи у детей старшего дошкольного возраста в условиях инклюзивного образования / М. Л. Кусова, Т. Р. Тенкачева. – Текст : электронный // Инновации в образовании: поиски и решения : сборник материалов II-й международной научно-практической конференции, Астана, 20 ноября 2015 года / Национальная академия образования им. И. Алтынсарина, Уральский государственный педагогический университет. – Астана : Уральский государственный педагогический университет, 2015. – Т. I. – С. 660–662. – URL: <https://www.elibrary.ru/WHZEQP> (дата обращения: 20.04.2024).

Ляшевская, О. Н. Корпусные инструменты в грамматических исследованиях русского языка / О. Н. Ляшевская. – М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2014. – 520 с.

Николина, Н. А. Современное русское словообразование: функционально-динамический аспект / Н. А. Николина, Л. В. Рацибурская. – М. : ФЛИНТА, 2023. – 176 с.

Норман, Б. Ю. Лексическая и грамматическая семантика: корпусное статистическое исследование лексико-семантических групп / Б. Ю. Норман, М. Ю. Мухин. – Текст : электронный // Сибирский филологический журнал. – 2018. – № 3. – С. 178–191. – DOI: 10.17223/18137083/64/17. – URL: <https://www.elibrary.ru/XZEUYF> (дата обращения: 20.04.2024).

Рацибурская, Л. В. Словообразовательные и лексические интенсификаторы в современном русском языке: активные процессы / Л. В. Рацибурская, М. В. Сандакова. – Текст : электронный // Русский язык в школе. – 2023. – Т. 84, № 6. – С. 69–80. – DOI: 10.30515/0131-6141-2023-84-6-69-80. – URL: <https://www.elibrary.ru/AQFKOI> (дата обращения: 20.04.2024).

Сандакова, М. В. Адъективные и адвербиальные интенсификаторы в русском языке: механизмы расширения класса / М. В. Сандакова. – Текст : электронный // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2020. – № 51. – С. 90–106. – DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2020-51-3-90-106. – URL: <https://www.elibrary.ru/WICMOV> (дата обращения: 20.04.2024).

Сандакова, М. В. Отглагольные прилагательные с суффиксом -тельн- в русском языке XX–XXI вв.: границы между лексико-грамматическими разрядами / М. В. Сандакова. – Текст : электронный // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2019. – № 2. – С. 202–209. – URL: <https://www.elibrary.ru/DCBXDI> (дата обращения: 20.04.2024).

Харченко, В. К. Корпус детских высказываний / В. К. Харченко. – М. : Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2012. – 520 с.

Харченко, В. К. Словарь детской речи / В. К. Харченко. – Белгород, 1994. – 254 с.

Цейтлин, С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи / С. Н. Цейтлин. – М. : Знак, 2009. – 592 с.

Щербакова, Н. Н. «Моя мама играла в озорницу»: окказиональная интерпретация устаревающих слов / Н. Н. Щербакова. – Текст : электронный // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2022. – № 20. – С. 116–124. – URL: <https://www.elibrary.ru/QFORNY> (дата обращения: 20.04.2024).

Шукин, А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного / А. Н. Шукин. – М. : Высшая школа, 2003. – 334 с.

Krasnoperova, E. S. Grammatical Lacunae of the Associative-Verbal Network: Data of Children's Speech and the National Russian Corpus / E. S. Krasnoperova, N. I. Konovalova. – Text : electronic // Proceedings of the International Scientific Conference "Digitalization of Education: History, Trends and Prospects" (DETP 2020), Ekaterinburg, 23–24 апреля 2020 года. – Ekaterinburg : Atlantis Press, 2020. – Vol. 437. – P. 287–291. – DOI: 10.2991/assehr.k.200509.052. – URL: <https://www.elibrary.ru/HCKTNF> (mode of access: 20.04.2024).

References

Gridina, T. A. (2016). «Svoya igra»: rebenok v mire yazyka ["Own Game": A Child in the World of Language]. Ekaterinburg. 177 p.

Gridina, T. A. (2017). Aktual'naya grammatika detskoj rechi: kognitivnye modeli semantizatsii i mekhanizmy porozhdeniya slovoform [Actual Grammar of Children's Speech: Cognitive Models of Semantization and Mechanisms of Generation of Word Forms]. In *Yazykovaya lichnost': aspekty izucheniya: sbornik nauchnykh statei pamyati chlena-korrespondenta RAN Yuriya Nikolaevicha Karaulova*. Moscow, MAKS Press, pp. 110–122.

Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2009). *Sovremennyi russkii yazyk. Slovoobrazovanie: teoriya, algoritmy analiza, trening* [Modern Russian Language. Word Formation: Theory, Algorithms of Analysis, Training]. 3rd edition. Moscow, Nauka, Flinta. 160 p.

Gvozdev, A. N. (2007). *Voprosy izucheniya detskoj rechi* [Questions of Studying Children's Speech]. Saint Petersburg, Detstvo-Press. 472 p.

Karaulov, Yu. N. (1993). *Assotsiativnaya grammatika russkogo yazyka* [Associative Grammar of the Russian Language]. Moscow, Russkii yazyk. 330 p.

Karaulov, Yu. N. (2002). Russkii assotsiativnyi slovar' kak novyi lingvisticheskii istochnik i instrument analiza yazykovoi sposobnosti [Russian Associative Dictionary as a New Linguistic Source and Tool for Analyzing Linguistic Ability]. In Karaulov, Yu. N., Cherkasova, G. A., Ufimtseva, N. V. et al. *Russkii assotsiativnyi slovar'*. Vol. I. *Ot stimula k reaktivnosti*. Moscow, Astrel', AST, pp. 750–782.

Kharchenko, V. K. (2012). *Korpus detskikh vyskazyvaniy* [Corpus of Children's Utterances]. Moscow, Izdatel'stvo Literaturnogo instituta im. A. M. Gor'kogo. 520 p.

Kharchenko, V. K. (1994). *Slovar' detskoj rechi* [Dictionary of Children's Speech]. Belgorod. 254 p.

Kodukhov, V. I. (2012). *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to Linguistics]. Moscow, Izdatel'skii dom «Al'yans». 288 p.

Konovalova, N. I., Krasnoperova, E. S. (2020). Aktual'nyi grammatikon yazykovoi lichnosti: problema modelirovaniya [Actual Grammaticon of the Linguistic Personality: The Problem of Modeling]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*. No. 3, pp. 6–14. URL: <https://www.elibrary.ru/LTUZIQ> (mode of access: 20.04.2024).

Kornev, A. N., Balchyuniene, I., Voeikova, M. D. et al. (2016). Analiz grammaticheskogo chastotnogo profilya leksem korpusa detskoj rechi kak metod izucheniya razvitiya rechi v norme i pri pervichnom nedorazvitiy rechi u doshkol'nikov [Analysis of the Grammatical Frequency Profile of the Lexemes of the Corpus of Children's Speech as a Method for Studying Speech Development in Normal and Primary Speech Underdevelopment in Preschoolers]. In *Novye informatsionnye tekhnologii v avtomatizirovannykh sistemakh*. No. 19, pp. 33–38. URL: <https://www.elibrary.ru/VTZNX> (mode of access: 20.04.2024).

Krasnoperova, E. S. (2021). Korpusnye issledovaniya detskoj rechi: perspektivy razvitiya [Corpus Studies of Children's Speech: Prospects for Development]. In *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa*. No. 2, pp. 156–65. DOI: 10.26170/23067462_2021_02_13. URL: <https://www.elibrary.ru/DHRDPB> (mode of access: 20.04.2024).

Krasnoperova, E. S., Konovalova, N. I. (2020). Grammatical Lacunae of the Associative-Verbal Network: Data of Children's Speech and the National Russian Corpus. In *Proceedings of the International Scientific Conference "Digitalization of Education: History, Trends and Prospects" (DETP 2020), Ekaterinburg, 23–24 aprelya 2020 goda*. Ekaterinburg, Atlantis Press. Vol. 437, pp. 287–291. DOI: 10.2991/assehr.k.200509.052. URL: <https://www.elibrary.ru/HCKTNF> (mode of access: 20.04.2024).

Kusova, M. L., Tenkacheva, T. R. (2015). Formirovanie grammaticheskogo stroya rechi u detei starshego doshkol'nogo vozrasta v usloviyakh inklyuzivnogo obrazovaniya [Formation of the Grammatical Structure of Speech in Older Preschool Children in Inclusive Education]. In *Innovatsii v obrazovanii: poiski i resheniya: sbornik materialov II-i mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Astana, 20 noyabrya 2015 goda*. Astana, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. Vol. I, pp. 660–662. URL: <https://www.elibrary.ru/WHZEP> (mode of access: 20.04.2024).

Lyashevskaya, O. N. (2014). *Korpusnye instrumenty v grammaticheskikh issledovaniyakh russkogo yazyka* [Corpus Tools in Grammatical Studies of the Russian Language]. Moscow, Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN. 520 p.

Nikolina, N. A., Ratsiburskaya, L. V. (2023). *Sovremennoe russkoe slovoobrazovanie: funktsional'no-dinamicheskii aspekt* [Modern Russian Word Formation: A Functional and Dynamic Aspect]. Moscow, FLINTA. 176 p.

Norman, B. Yu., Mukhin, M. Yu. (2018). Leksicheskaya i grammaticheskaya semantika: korpusnoe statisticheskoe issledovanie leksiko-semanticheskikh grupp [Lexical and Grammatical Semantics: A Corpus Statistical Study of Lexico-semantic Groups]. In *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. No. 3, pp. 178–191. DOI: 10.17223/18137083/64/17. URL: <https://www.elibrary.ru/XZEUYYP> (mode of access: 20.04.2024).

Ratsiburskaya, L. V., Sandakova, M. V. (2023). Slovoobrazovatel'nye i leksicheskie intensivatory v sovremen-
nom russkom yazyke: aktivnye protsessy [Word-formation and Lexical Intensifiers in the Modern Russian Language: Active Processes]. In *Russkii yazyk v shkole*. Vol. 84. No. 6, pp. 69–80. DOI: 10.30515/0131-6141-2023-84-6-69-80. URL: <https://www.elibrary.ru/AQFKOI> (mode of access: 20.04.2024).

Sandakova, M. V. (2020). Ad"ektivnye i adverbial'nye intensivatory v russkom yazyke: mekhanizmy rasshireniya
klassa [Adjectival and Adverbial Intensifiers in the Russian Language: Mechanisms of Class Expansion]. In *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobrolyubova*. No. 51, pp. 90–106. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2020-51-3-90-106. URL: <https://www.elibrary.ru/WICMOB> (mode of access: 20.04.2024).

Sandakova, M. V. (2019). Otlagol'nye prilagatel'nye s suffiksom -tel'n- v russkom yazyke XX–XXI vv.: granitsy
mezhdru leksiko-grammaticheskimi razryadami [Verbal Adjectives with the Suffix -tel'n- in the Russian Language of the 20th–21st Centuries: The Boundaries between Lexical and Grammatical Categories]. In *Vestnik Nizhegorodskogo uni-
versiteta im. N. I. Lobachevskogo*. No. 2, pp. 202–209. URL: <https://www.elibrary.ru/DCBXDI> (mode of access: 20.04.2024).

Shcherbakova, N. N. (2022). «Moya mama igrala v ozornitsu»: okkazional'naya interpretatsiya ustarevayushchikh
slov [“My Mother Played the Naughty Girl”: An Occasional Interpretation of Obsolete Words]. In *Psikholingvisticheskie
aspekty izucheniya rechevoi deyatelnosti*. No. 20, pp. 116–124. URL: <https://www.elibrary.ru/QFORNY> (mode of access: 20.04.2024).

Shchukin, A. N. (2003). *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo* [Methodology of Teaching Russian
as a Foreign Language]. Moscow, Vysshaya shkola. 334 p.

Tseytin, S. N. (2009). *Ocherki po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoj rechi* [Essays on Word-formation
and Form Formation in Children's Speech]. Moscow, Znack. 592 p.

Vinogradov, S. N. (2020). K voprosu o kategorial'nom znachenii sostoyaniya v russkoi grammatike [On the Ques-
tion of the Categorical Meaning of the State in Russian Grammar]. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Loba-
chevskogo*. No. 1, pp. 176–180. URL: <https://www.elibrary.ru/emyoov> (mode of access: 20.04.2024).

Vinogradov, S. N. (2019). K voprosu o sisteme kategorial'nykh znachenii chastei rechi v sovremen-
nom russkom yazyke [On the Question of the System of Categorical Meanings of Parts of Speech in Modern Russian]. In *Natsional'nye
kody v yazyke i literature. Sovremennyye yazyki v novykh usloviyakh kommunikatsii: sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi
nauchnoi konferentsii «Natsional'nye kody v yazyke i literature», Nizhnii Novgorod, 12–13 marta 2019 goda*. Nizhny Novgorod,
Natsional'nyi issledovatel'skii Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet im. N. I. Lobachevskogo, pp. 31–37. URL:
<https://www.elibrary.ru/UNQPDM> (mode of access: 20.04.2024).

Vinogradov, S. N. (2022). Paradigmatika yazyka kak model' nablyudeniya i prognoza [Paradigmatics of Language
as a Model of Observation and Prediction]. In *Yazyki i kul'tury v tsifrovuyu epokhu: sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi
nauchnoi konferentsii, Nizhnii Novgorod, 28–30 oktyabrya 2022 goda*. Nizhny Novgorod, Natsional'nyi issle-
dovatel'skii Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet im. N. I. Lobachevskogo, pp. 74–83. URL: <https://www.elibrary.ru/IIPPGX> (mode of access: 20.04.2024).

Данные об авторе

Красноперова Евгения Сергеевна – ассистент кафедры
общего языкознания и русского языка, Уральский госу-
дарственный педагогический университет (Екатеринбург,
Россия).

Адрес: 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонав-
тов, 26.

E-mail: evgenia113@gmail.com.

Author's information

Krasnoperova Evgeniya Sergeevna – Assistant of Department
of General Linguistics and Russian Language, Ural State
Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 07.05.2024; дата публикации: 24.06.2024

Date of receipt: 07.05.2024; date of publication: 24.06.2024